
ОТНОШЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ПРИГРАНИЧНЫМИ НАРОДАМИ В КОНЦЕ XVII–XVIII ВВ.

Е.В. Кабанова

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются отношения Китая и дипломатические инструменты его взаимодействия с Тибетом, Джугарским ханством и Монголией в период конца XVII–XVIII вв. В статье исследуются как меры мирного, так и насильственного характера, используемые цинской династией для достижения внешнеполитических целей. Автор подчеркивает важную роль буддизма, кровных связей и приемов у императора в качестве инструмента подчинения монголов и других приграничных народов.

Ключевые слова: Китай, Тибет, «мягкая сила», международные отношения, Би-шушаньчжуан, буддизм.

Организация управления приграничными территориями являлась одной из приоритетных задач политики китайской многонациональной империи. Система управления окраинами формировалась не одно столетие, и система взаимодействия с национальными меньшинствами к XVIII в. представляла собой довольно отлаженный механизм, который продолжал совершенствоваться. Политика центра по отношению к приграничным народам затрагивала административную, экономическую и религиозную сферы, охрану и защиту государственных границ.

Одной из основных целей приграничной политики было задабривание и привлечение врагов на свою сторону, а средством ее достижения становилась раздача титулов и жалований, организация приемов у императора и др. Своего совершенства эта система достигла в период династии Цин. Именно в это время появляется единый государственный орган, отвечающий за управление приграничными народами – Лифаньюань, который ведал отношениями с внешними территориями: Синьцзяном, Тибетом, Джунгарией, Монголией и Россией (1).

Китайский император считал большинство из них подвластными себе, однако на деле Монголия, Тибет и Синьцзян оставались буферной зоной между цинской империей и внешним миром. Приоритетными направлениями в китайской политике внешних сношений оставались отношения с Монголией, Тибетом и Джунгарским ханством.

Так, в Лифаньюане помимо маньчжурских чиновников работали и представители монголов. Они могли занимать важные посты в этом органе, но перед этим обязаны были пройти всю карьерную лестницу, зачастую они начали с должности писца, рядовых служащих и др. Так, в 1780–1798 гг. 22 монгола служили в Лифаньюане, 11 из них на важных постах (2).

Претендующие на должность в Лифаньюане сдавали экзамен на знание маньчжурского, монголы, сдавшие экзамен на знание маньчжурского и китайского, а также экзамен по китайской литературе, могли претендовать на должность в других государственных органах помимо Лифаньюаня. В 1747 г. император Цянь Лун учредил монгольское ведомство при Лифаньюане и выбрал несколько успешных молодых монголов для обучения монгольской и маньчжурской грамоте, переводу с обоих языков и основам управления. Таким образом, император задумал подготовить будущие кадры для монгольского ведомства (3).

По мнению исследователей, подданство приграничных народов по отношению к китайским императорам можно было разделить на два вида: формальный и реальный. Первый заключался в соблюдении различного церемониала, регулярных визитах и подношении дани, и даже принятии китайского летоисчисления. При этом китайские власти в свою очередь имели право утверждать местных правителей и формально считались верховными властителями местных территорий (4).

Реальный вассалитет имел те же характерные черты для номинального подданничества и при этом подразумевал контроль китайского императора как над внешнеполитическим курсом вассала, так и над внутренним положением в стране (5).

Помимо силовых методов управления приграничными территориями в Китае зачастую практиковалась политика применения «мягкой силы». Так, в период правления трех императоров – Канси, Юн Чжэня и Цянь Луна – создается уникальная летняя резиденция, которая будет служить вторым политическим центром на протяжении всего XVIII столетия.

Летняя императорская резиденция Бишунаньчжуан находится в 200 км от Пекина в городе Чэндэ провинции Хэбэй. Она является крупнейшим архитектурным сооружением Китая и одним из символов династии Цин. В 1703 г. строительство начал император Канси, и только в 1792 г. император Цянь Лун его завершил, поэтому Бишунаньчжуан является одним из самых долго строящихся проектов династии (6). Здесь решались вопросы внешней и внутренней политики, что позволило этому дворцу стать местом консолидации и управления приграничными народами Китая.

В окрестностях Чэндэ с 1685 г. император со своими войсками и представителями знаменитых войск проводил охоту, которая устраивалась каждый год, и порой число участников достигало 10000 человек (7).

Для контроля монголов цинский император Канси в 1677 г. предпринял объезд приграничных земель и заодно встретился с представителями знати

монгольских знамен. В апреле 1681 г. он совершил вторую поездку по северным приграничным землям и созвал монгольских представителей на традиционную охоту.

В систему аудиенции императора входили: ежегодное посещение и участие в охоте, которое стало обязательным после ее учреждения в районе Мулань (8). Ежегодное посещение же обязывало принимать участие в различных мероприятиях императорского дома, привозить дань и пр. Передвижение императора в районы за Великой китайской стеной всегда сопровождалось огромным количеством людей и скарба, поэтому император решил построить походный дворец в районе ежегодной всекитайской охоты.

Таким образом, охота в Мулань была своего рода военными учениями китайских войск и подтолкнула китайского императора к созданию дворца. С 1685 г. по 1795 г. была проведена 101 охота, из них 89 в Мулане (9). Охота в районе Мулань обычно длилась 20 дней, помимо охоты в программу входили многочисленные приемы и развлекательные мероприятия.

У охоты было несколько положительных моментов:

- повышение уровня военной муштры восьми цинских знамен;
- отношения между цинским Китаем и монголами становились все теснее и ближе благодаря многочисленным приемам, празднествам и мероприятиям, которые устраивались в Бишущаньчжуан;
- роль монголов при охране северо-западных рубежей империи возрастала.

Представляется, что в период правления Цянь Луна важнейшим политическим инструментом в руках жесткого правителя стал буддизм, который умело использовал религию для покорения и полного подчинения монголов.

Н.Я. Бичурин полагал, что Китай независимо от правящей династии всегда умело использовал религию, а именно буддизм, для усмирения приграничных народов, поэтому религия также играла особую роль в управлении внешними землями. Так «Хобилай, по покорении Тибета, увидел, что воинственный дух тибетского народа трудно обуздать одним оружием, без содействия буддийской религии; и для него поручил управление государства духовным властям». То же он говорит и о Минах, которые переняли курс предыдущей династии. «Дом Мин тем же правилам следовал, и признал в Тибете восемь главных хутухт» (10).

При этом Бичурин отмечает важную роль Далай-ламы в этом процессе, которая значительно возрастает, он приобретает «столь сильное влияние на дела Монголии, что ни ханы, ни хутухты не могли получать наследственных достоинств без его утверждения». Преемственность политики Бичурин видит и у династии Цин, которые пытаются расположить к себе Далай-ламу, но этого становится недостаточно, и они решают покорить весь Тибет для управления Монголией.

Территория Тибета же становится буферной зоной, превращаясь в марионетку на шахматной доске императора. Использование мирных средств

не только позволило ему доминировать в Центральной Азии, но и установить контроль над Тибетом. К концу XVIII в. протекторат Китая над Тибетом окончательно сложился, и данная территория стала не просто вассалом цинской империи, а ее составной частью. Благодаря такой политике спокойствие в данном регионе было обеспечено на долгое время.

Структура взаимоотношений Китая и внешних земель представляла собой феодальную систему «сюзерен – вассал». Будь то племя или малое государство, все они становились частью цинской империи после того, как являлись на аудиенцию к императору и приносили дань. Именно даннические отношения обеспечивали мир на границах империи. Вассалы за верную службу и ежегодную дань получали титулы, звания и императорские печати. Оба участника этой феодальной структуры являлись гарантом защиты и спокойствия друг друга, ведь китайские власти всегда могли призвать под свои знамена представителей внешних земель, тогда как последние рассчитывали на поддержку цинской империи в случае внутренних междоусобиц.

Цины в XVIII в. проводили взвешенную внешнюю политику, параллельно используя военные карательные меры и культурно-религиозные приемы для усмирения захваченных народов. Основы мирной внешней политики империи формировались тысячелетиями, и это можно проследить на примерах истории различных династий Китая.

Особое место среди мирных способов урегулирования отношений занимали в том числе и брачные союзы. Они служили для укрепления власти на местах и обеспечения стабильности в приграничных районах. Так, в эпоху династии Хань большинство браков заключалось с представителями северных племен Сюнну и северо-западных племен Усунь. В династию Тан около 27 династических браков было заключено с киданями, представителями государств Туюйхунь, Нинъюань, Си и особенно с уйгурскими правителями, что в то время было стратегическим шагом для присоединения новых территорий и покорения местного населения. С уйгурами было заключено 7 браков, 3 из которых с императорскими дочерьми (11).

В период правления династии Цин династические браки получили более широкое распространение, в основном они стали заключаться между представителями маньчжуров и монголов. Китайский император выбирал себе жену из рода монгольских правителей, в то время как монгольские ханы выбирали себе невесту из дочерей императорского дома. В гареме императора могло быть от 2 до 7 жен из Монголии. Так, среди 40 жен императора Канси 2 были монголками. У императора Канси было 20 дочерей, 7 из них были замужем за монголами.

Эти династические союзы обеспечивали спокойствие и защиту китайской империи на северных рубежах, и Монголия была своего рода щитом для Китая.

Помимо брачных союзов для установления контактов с приграничными народами Китая власти использовали политику экономического развития,

основными целями которой были колонизация неосвоенных приграничных земель и установление культурных, национальных и экономических связей между китайцами и представителями других народностей.

В XVIII в. военная мощь Китая была не настолько велика, чтобы только благодаря силе он смог завоевать и усмирить все приграничные территории. В этот период складываются экономические и культурные основы для дальнейшей интеграции внешних территорий в политическую орбиту Китая.

Отсюда выявляется особая роль Тибета в отношениях Китая со странами Центральной Азии. В силу своего географического положения Тибет должен был прикрывать китайские провинции с запада, при этом граничил с одним из главных агрессоров Центральной Азии – Джунгарским ханством. Ввиду этого внешний политический курс Тибета представлял собой два направления: отношения с джунгарами и со всеми остальными соседями, которые в большинстве своем были буддийскими государствами, которые воспринимали Тибет как священный религиозный центр.

Китай также строил особые отношения с Тибетом, здесь не было типичной китайской администрации и каждая династия выстраивала свою модель управления этим краем (12).

В период правления монгольской династии Юань управленческая верхушка Тибета представляла собой сочетание светской и духовной власти. Минская династия не изменила устоявшимся принципам и сохранила разделение властей, при этом раздробив Тибет на более мелкие административные единицы. Но баланс в управлении не был соблюден, и к концу правления Минов светская ветвь власти «перевесила», что вызвало смуту и привело к власти Далай-ламу V, заручившегося поддержкой хошоутского хана.

В 1642 г. Далай-лама V получил в Пекине «печать и грамоту», тем самым подтвердив свое подданство. Ситуация изменилась в связи с джунгаро-китайской войной, в которой Тибет занял союзническую позицию с Джунгарией, по ряду причин, как из-за кровного родства светского правителя, так и из-за духовного – ламаистского лидера (13).

Это ухудшило отношения Китая и Тибета, джунгары вторглись в Тибет, убили ставленника Китая. Династия Цин столкнулась с угрозой потери ранее завоеванных территорий и ослабления своего влияния в монгольских государствах. В этом случае Н.Я. Бичурин отмечает, что «пекинский кабинет употребляет будайскую религию к управлению умами монголов; по сей причине старается иметь Далай-ламу и прочих важнейших хутухт на своей стороне» (14).

В связи с этими событиями правители династии Цин поняли, что сначала нужно укрепить свое положение в Тибете, а уже после распространить свое влияние, используя религию в качестве инструмента усмирения приграничных ламаистских кочевых государств. Таким образом, можно отметить, что китайские власти использовали Тибет в качестве основного инструмента для завоевания всей Центральной Азии.

При любой китайской династии «требования, предъявляемые центральной властью к Тибету, имели характер общегосударственных: поддержание мира, пресечение беспорядков, сохранение лояльности, соблюдение установленного ритуала в отношениях с императорским двором» (15). Однако власти Тибета при удобном случае начинали ориентироваться на третью сторону, рассматривая ее как потенциального союзника в противовес маньчжурской силе (16).

Политическое подчинение Тибета Китаю фактически выражалось через контроль китайских ставленников и даннические посольства из Лхасы в Пекин (17). По этому поводу Мартынов выдвигает свою концепцию: превосходство Китая над «варварами» мыслилось как тотальное, как превосходство над всем, как превосходство цивилизации над варварством. Оно рассматривалось не как достигнутое, а как единственно возможное состояние, состояние, предопределенное самой природой (18).

Контроль был полностью установлен лишь в 1720 г. после ввода китайских войск в Тибет, но полностью система контроля сложилась к середине XVIII в. (19).

Процесс вхождения Тибета в китайскую сферу влияния занял почти полвека. До 1705 г. цинская империя обладала в Тибете лишь формальной властью, унаследованной ими от Юаньской и Минской династий, т.е. считала Тибет своим вассалом, как и весь окружающий мир (20).

С приходом к власти императора Цянь Луна (1736–1795 гг.), который «делал ставку» на ламаизм, Китай в середине и второй половине XVIII в. стал доминировать в регионе Центральной Азии (21). Именно тогда цинская империя одно за другим завоевывает государства на западе: Тибет (1750–1751 гг.), Джунгарию (1755–1757 гг.) и Кашгарию (1757–1759 гг.). Успехи Цянь Луна объясняются еще и тем, что два последних государства пережили период смуты и внутренних распрей, а Тибет был наполовину уже подчинен Китаю. В период войны Китая и Джунгарии Тибет стал подобен «мячу», вброшенному в политику центрально-азиатского региона. Причем ламаистская церковь сыграла роль осложняющего фактора (22).

Сближение Тибета и Китая произошло в период правления Полханаса. Он всячески подчеркивал свою преданность цинскому двору в общении с паломниками Джунгарии. Что было подтверждено его деятельностью, так в 1745 г. он выдвинул проект о строительстве новой крепости на границе с джунгарами. Политика Полханаса и его администрации, связанная с «джунгарской проблемой», вполне отвечала интересам Пекина и высоко оценивалась цинскими властями. В 1740 г. Полханас получает от императора Цянь Луна титул цзюньвана (23), что говорило о доверии со стороны цинского двора и фактически о статусе Полханаса как единоличного правителя Тибета. По мнению исследователей кычанова и Мельниченко, этот правитель сотрудничал с цинскими властями, но вовсе не собирался превращать Тибет в часть Китая (24).

Другой задачей Полханаса было установление дружественных отношений с буддийской церковью, он делал щедрые денежные пожертвования монастырям, субсидировал из казны проведение буддийских праздников, однако из-за ссылки Далай-ламы VII в Гарта еще в период правления императора Юн Чжэна (1722–1735 гг.) отношения между духовным правителем и Полханасом были напряженные. Кроме того, тибетская церковь была практически отстранена от управления Тибетом. Личная неприязнь и попытка поделить власть вызвало настороженность при дворе императора Китая, поэтому Цянь Лун в личном письме просил Полханаса постараться уладить конфликт, ради спокойствия в стране (25).

Его правление способствовало стабилизации тибетского общества и развитию экономики. Преемником Полханаса стал его младший сын Чжурмэд-Намчжал (26), в июле 1747 г. он был официально назначен администратором Тибета. В 1748 г. по его просьбе Цянь Лун выводит цинский гарнизон из Тибета в составе 400 человек из 500. Однако вскоре стало ясно, что Чжурмэд-Намчжал намерен изменить статус Тибета и явно не связывал дальнейшую судьбу страны с цинской империей.

Внутренние события в Тибете ускорили его покорение маньчжурами. К 1750 г. цинским ставленикам стало ясно об антицинских заговорщических действиях тибетского правителя, что привело к его убийству. Это событие вызвало негодование в среде его администрации, которая спровоцировала восстание против амбаней 11 ноября 1750 г. Император Цянь Лун хотел послать войска, однако огромные затраты на поход остановили его, и только лишь комиссия по расследованию происшествия была направлена в Тибет.

Далай-лама VII осудил действия убитого правителя и призвал прекратить беспорядки, что вызвало одобрительное отношение со стороны императора Китая. Далай-лама стал номинальным главой, духовным и светским, а Совет министров – главным исполнительным органом страны и был подчинен ему (27). Прежняя структура Совета министров в составе четырех членов, существовавшая с 1721 г. по 1727 г., была восстановлена, он состоял из четырех министров, из которых трое были мирянами, а четвертый – монахом.

Полномочия китайских ставленников были расширены, а местный гарнизон увеличен до 1500 человек. В провинции Уй разместили гарнизон из ста тибетских солдат, в провинции Цзан – из двухсот. Всякие связи с Джунгарским ханством запрещались. Тибет вошел в Цинскую империю как ее составная часть (28). С 1751 г. протекторат Китая принимает его окончательную форму.

Еще одним важным направлением политики Китая были отношения с монгольскими княжествами и Джунгарским ханством, которое они стремились покорить в течение XVII–XVIII вв. Во второй половине 30-х гг. XVIII в. между правителями Цинской империи и Джунгарским ханством происходили переговоры по поводу заключения мира. В итоге было достигнуто согла-

шение: границей между Джунгарским ханством и Халхой стал горный хребет Монгольский Алтай, превращенный в нейтральную зону, недоступную для цинских и джунгарских подданных. Тем самым ханство теряло некоторые районы в западной части Халхи, которые считало своим.

В 1740 г. был решен вопрос о приходе торговых караванов в Китай, паломничество в Тибет джунгаров должно было быть одобрено цинским двором, что и произошло в 1743 г., когда паломнический караван посетил Лхасу (29).

Население Северной Монголии тем временем искало выход из тяжелого положения, созданного цинским господством. Терявшие свои доходы ханы и князья втягивались в антиманьчжурское движение. Росло стремление в переходе в русское подданство.

В 1752 г. к власти в Джунгарии пришел хан Даваца, на место которого претендовал хан Амурсана, но его попытки свергнуть противника были тщетны, и он в 1754 г. бежит в Китай и просит помощи у цинов. Позже, заручившись их поддержкой, он понимает, что таким образом Джунгария попадет под протекторат Китая, и потерпев неудачу в 1757 г., бежит в Казахстан, а затем в Россию (30). Летом 1756 г. в западной части Халхи произошло антиманьчжурское восстание, которым руководил князь хотогайтов Цэнгунджаб. Опасаясь объединения халхаских монголов и ойратов, Цянь Лун привлек на свою сторону князей Халхи. Панчэн-ламу и Далай-ламу при нападении джунгаров из Ташилунпо планировалось перевезти в г. Тайнин (31).

В 1755 г. император Цянь Лун специальным письмом уведомил Панчэн-ламу и Далай-ламу о разгроме ойратов и близком окончательном уничтожении Джунгарского ханства (32).

Ламаистская церковь призвала прекращение борьбы, и в 1757 г. Цэнгунджаб был казнен. Разгром Джунгарского ханства ухудшил положение ханов Халхи. Цянь Лун стал на путь дальнейшего ослабления феодалов Северной Монголии, которые были тесно связаны с ламаистской церковью (33). До середины XVIII в. богдо-гэген и высшие священнослужители были близкой родней ханов и князей. Контроль светских феодалов над ламаистской церковью или семейный союз этих двух сил таил опасность для цинских границ и господства на этих территориях. Для предотвращения этого был установлен порядок избрания и утверждения главы церкви и других высших иерархов, что позволило Пекину не допускать к власти неугодных кандидатов. С 1758 г. ламы же назначались из Тибета, таким образом конфликт с ламаистской церковью был ликвидирован.

Всего в состав империи за XVIII в. вошли земли площадью до 3 млн кв. км. Эта цифра показывает эффективность политики цинов по отношению к странам Центральной Азии, а также проработанность дипломатического курса и умелое лавирование между несколькими участниками взаимоотношений в этом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Ма Да Чжэн Лунь чжунго лишишандэ бяньцзян чжэнцэ // Цинши яньцзюю бишущаньчжуан. – Шэньян, 2005. – С. 13. Ma Da Zhen Lun zhonguo lishishande bianjiang zhengce // Qingshi yanjiu bishushanzhuan. – Shenyang, 2005. – P. 13.
- (2) Цунь Шан Синь Мин Цун мэngu цижэнь гуньюаньдэ жэньюн цинкуан кань Цянь Лун чжунье ихоучжи фаньбу тунчжи // Цинши яньцзюю бишущаньчжуан. – Шэньян, 2005. – С. 69. Cun Shan Xin Min Cong menggu qiren gongyuande renyun qingkuan kan Qian Long zhunye yihouzhi fanbu tongzhi // Qingshi yanjiu bishushanzhuan. – Shenyang, 2005. – P. 69.
- (3) См: Цунь Шан Синь Мин Цун мэngu цижэнь... – С. 224. Sm: Cun Shan Xin Min Cong menggu qiren ... – P. 224.
- (4) *Бокщанин А.А.* Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. – М., 1968. – С. 36. *Bokshchanin A.A.* Kitay i strany Yuzhnykh morey v XIV–XVI centuries. – Moscow, 1968. – P. 36.
- (5) *Беспрозванных Е.Л.* Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях в XVII–XVIII вв. – Волгоград, 2001. – С. 34. *Besprozvannykh E.L.* Lidery Tibeta i ikh rol' v tibeto-kitayskikh otnosheniyakh v XVII–XVIII centuries. – Volgograd, 2001. – P. 34.
- (6) Лю Ю Вэнь Бишущаньчжуан чуцзянь шицзянь цзи сянгюань шишикао // Цинши яньцзюю бишущаньчжуан. – Шэньян, 2005. – С. 87. Liu Yu Wen Bishushanzhuan chujian shijian ji xiangguan shishikao // Qingshi yanjiu bishushanzhuan. – Shenyang, 2005. – P. 87.
- (7) Ю Цзы Дун Лунь Чэндэ Бишущаньчжуандэ лиши дивэй ю цзоьюн // Цинши яньцзюю бишущаньчжуан. – Шэньян, 2005. – С. 46. Yu Zi Dun Lun Chende Bishushanzhuande lishi diwei yu zuoyun // Qingshi yanjiu bishushanzhuan. – Shenyang, 2005. – P. 46.
- (8) Высочайше утвержденное описание Жэхэ. – URL: <http://4.supfree.net/balass.asp?id=23425>.
- (9) Ю Цзы Дун Лунь Чэндэ Бишущаньчжуандэ лиши дивэй ю цзоьюн // Цинши яньцзюю бишущаньчжуан. – Шэньян, 2005. – С. 47. Yu Zi Dun Lun Chende Bishushanzhuande lishi diwei yu zuoyun // Qingshi yanjiu bishushanzhuan. – Shenyang, 2005. – P. 47.
- (10) *Бичурин Н.Я.* Статическое описание Китайской империи. Т. 2. – СПб., 1842. – С. 161. *Bichurin N.Ya.* Stasticheskoe opisanie Kitayskoy imperii. – Saint Petersburg, 1842. – P. 161.
- (11) Ма Да Чжэн Лунь чжунго лишишандэ бяньцзян чжэнцэ // Цинши яньцзюю бишущаньчжуан. – Шэньян, 2005. – С. 17. Ma Da Zhen Lun zhonguo lishishande bianjiang zhengce // Qingshi yanjiu bishushanzhuan. – Shenyang, 2005. – P. 17.
- (12) *Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII–XVIII вв в традиционной китайской политической системе политических представлений. – М., 1978. – С. 163. *Martynov A.S.* Status Tibeta v XVII–XVIII centuries v traditsionnoy kitayskoy politicheskoy sisteme politicheskikh predstavleniy. – Moscow, 1978. – P. 163.
- (13) Чжи Юнтин Бишущаньчжуан цзици цзяньчжу ю Канси чжуди шаошу минцзу чжэньцэ // Цинши яньцзюю бишущаньчжуан. – Шэньян, 2005. – С. 83. Zhi Yunting Bishushanzhuan jizi jianzhu yu Kanxi zhudi shaoshu mingzu zhence // Qingshi yanjiu bishushanzhuan. – Shenyang, 2005. – P. 83.

- (14) Бичурин Н.Я. Статическое описание Китайской империи. – СПб., 1842. – Т. 2. – С. 91. *Bichurin N.Ya. Stasticheskoe opisanie Kitayskoy imperii.* – Saint Petersburg, 1842. – P. 91.
- (15) Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв в традиционной китайской политической системе политических представлений. – М., 1978. – С. 184. *Martynov A.S. Status Tibeta v XVII–XVIII centuries v traditsionnoy kitayskoy politicheskoy sisteme politicheskikh predstavleniy.* – Moscow, 1978. – P. 184.
- (16) См: Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной китайской политической... – С. 183.
- (17) Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях в XVII–XVIII вв. – Волгоград, 2001. – С. 150. *Besprozvannyykh E.L. Lidery Tibeta i ikh rol' v tibeto-kitayskikh otnosheniyakh v XVII–XVIII centuries.* – Volgograd, 2001. – P. 150.
- (18) См: Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв в традиционной китайской политической... – С. 37.
- (19) Мартынов А.С. О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (предыстория маньчжурского похода в Непал в 1792 г.) // Маньчжурское владычество в Китае. – М., 1966. – С. 243. *Martynov A.S. O nekotorykh osobennostyakh politiki tsinskogo pravitel'stva v Tibete v kontse XVIII century. (predystoriya man'chzhurskogo pokhoda v Nepal v 1792 g.) // Man'chzhurskoe vladychestvo v Kitae.* – Moscow, 1966. – P. 243.
- (20) *Petech L. China and Tibet in the early 18th Century.* – Leiden, 1950. – P. 240.
- (21) См: *Petech L. China and Tibet in the early 18th Century.* – Leiden, 1950. – P. 177.
- (22) Чжоу Юань Лянь Цянь Лун хуанди да чжуань. – Чжэнчжоу, 1990. – С. 23. *Zhou Yuan Lian Qian Long huangdi da zhuan.* – Zhengzhou, 1990. – P. 23.
- (23) Князя второй степени.
- (24) Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен и до наших дней. – М., 2005. – С. 146. *Kuchanov E.I., Mel'nichenko B.N. Istoriya Tibeta s drevneyshikh vremen i do nashikh dney.* – Moscow, 2005. – P. 146.
- (25) *Petech L. China and Tibet in the early 18th Century.* – Leiden, 1950. – P. 172.
- (26) Джурмэ-Намгэ. Автор Кычанов называет его Гьюме-Намгьял, тогда как Беспрозванных пишет о нем как о Чжурмэд-Намчжал.
- (27) См: Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной китайской политической... – С. 231.
- (28) Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цинн. – М., 2005. – С. 126. *Nepomnin O.E. Istoriya Kitaya. Epokha Tsinn.* – Moscow, 2005. – P. 126.
- (29) Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Цяньбянь, цз. 45, л. 8а-106. *Qinding pingding zhungeer fanlue. Qianbian, tsz. 45, list 8a-106.* – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Mezd_otn_centrazii/121-140/122.htm.
- (30) См: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Kit_ist_Sr_az/21-40/22.htm.
- (31) Чжан Цицинь Циндай цзан шицзи. – Лхаса, 1983. – С. 342. *Zhang Qiqin Qingdai zang shiji.* – Lhasa, 1983. – P. 342.
- (32) См: Чжан Цицинь Циндай цзан шицзи. См: *Zhang Qiqin Qingdai zang shiji.* – P. 365.
- (33) Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. – М., 2005. – С. 129. *Nepomnin O.E. Istoriya Kitaya. Epokha Tsinn.* – Moscow, 2005. – P. 129.

CHINESE EMPIRE AND ITS NORTHERNWEST BORDERS IN XVII–XVIII CENTURIES

E. Kabanova

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukha-Maklaya Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the relations between China, Tibet, Mongolia and Zunghar khanate and its diplomatic tools during the end of XVII–XVIII centuries. Author researches the peaceful and violent measures used to achieve foreign policy goals by the Qing Dynasty. The author emphasizes the important role of Buddhism, blood ties and receptions of the emperor as a tool of subjugation of the Mongols and other bordering nations.

Key words: China, Tibet, “soft power”, international relations, Bishushanzhuan Buddhism.